

• СОДЕРЖАНИЕ •

Анна и Сергей Литвиновы
ДЕВУШКА И ПИАНИСТ
7

Татьяна Устинова
ИМПЕРАТОР И ЮТА
48

Евгения Михайлова
СИДЕЛКА
58

Анна Велес
ЧЕТВЕРОНОГИЙ ПИНКЕРТОН
103

Татьяна Бочарова
ПОСЛЕДНИЙ ШАНС
149

Галина Романова
СУМАСШЕДШАЯ РОЗА
211

Ольга Володарская
ДЕТЕКТИВ НА МЯГКИХ ЛАПКАХ
266

АННА И СЕРГЕЙ ЛИТВИНОВЫ

• ДЕВУШКА И ПИАНИСТ •

В девяностые годы Россия голодала, но Маши потрясения не касались. Папа — партийный функционер и мама — работник торговли ловко подстроились под новую реальность. Вовсю приватизировали, хапали, но вкладывали не только в золотые унитазаы, но и в любимую дочку.

Маша пока не решила, кем станет: певицей или актрисой, поэтому к ней ходили лучшие в Москве педагоги и по вокалу, и по сценическому движению. Девушка участвовала в конкурсах красоты, снималась в эпизодах и первых в стране рекламных роликах, дорого одевалась, а всем гостям обязательно показывала свое прекрасное портфолио.

Карманных денег для дочери родители не жалели, и вокруг Маши вечно вилась толпа прихлебателей. Все на одно смазливое лицо и вели себя одинаково: восхищались, подлизывались, пытались затащить под венец. Только одноклассник Денис из прочих выделялся.

Парень был одаренным пианистом, жил бедно и собирался поступать в консерваторию. Маша беднягу от неразумного решения усиленно отговаривала:

— Кому сейчас твоя музыка нужна? Оркестры закрываются. В кабаках будешь выступать? Иди лучше бизнес делать! Или про белые розы пой.

— «Белые розы» забудут, а классику люди будут слушать всегда, — уверял Денис.

— Ага. Мои предки отгрохают особняк, я попрошу у них белый рояль, и ты придешь к нам тапером во время званого ужина.

Денис не обижался:

— Для тебя я где угодно сыграю. — Опалял жарким взглядом, прижимал к себе, целовал.

Маше Денис нравился. Может, действительно за него замуж выйти? Но папа с мамой презрительно именуют одноклассника «босотой» и мезальянс явно не одобряют. Да и самой скучно — быть при скромном музыканте, когда у твоих ног весь мир.

Московскую школу Маша не окончила — родители отправили доучиваться в Лос-Анджелес. Она немедленно загорелась Голливудом. Взялась активно учить английский, ходила на актерские курсы, обзавелась агентом, общалась с нужными людьми и даже устроилась официанткой в ресторан, куда иногда заглядывали перекусить продюсеры. Все время казалось: роли в кино — совсем рядом. И принц прекрасный вот-вот встретится.

У родителей тем временем начались неприятности. У матери отобрали сеть магазинов, отец и вовсе попал под следствие. Маша вяло предложила вернуться в Россию и помочь, но предки взвились:

— Даже думать не смей! А то и тебя закроют!

Она послушалась и не поехала. Под отца активно копали. Мама с горя начала пить.

Деньги от родителей поступать перестали. Маше пришлось отказаться от йоги, курсов актерского мастерства, уволить агента и впахивать в ресторане чуть ли не круглыми сутками. Круг веселых и беззаботных знакомых тоже как-то быстро рассосался, когда она не смогла больше ходить по дорогим ночным клубам и перестала устраивать вечеринки.

Однажды, когда Маша еле ноги волочила после тяжелой смены, из Москвы позвонила пьяная мама. Сообщила, что был суд, отцу дали десять лет, имущество конфисковали, счета арестовали. Из всех накоплений осталась единственная квартира.

А вечером по телевизору она увидела своего бывшего одноклассника Дениса. Маша помнила его вечно голодным, нестриженным и нескладным. Но сегодня, в черном фраке, с богемными, стильно уложенными кудрями, он выглядел истинным денди. Russian diamond¹ Denis собрал аншлаг в Карнеги-холл, где играл Чайков-

ского под аккомпанемент Нью-Йоркского филармонического оркестра. А на поклонах он горячо благодарил супругу, которая дает ему вдохновение — камеры мгновенно переместились на не слишком красивую, но чрезвычайно ухоженную даму в первом ряду.

Первым порывом было: немедленно мчаться в Нью-Йорк, падать Денису в ноги, объяснять, как она была не права. Но Маша вспомнила холеное, умиротворенное лицо супруги, сопровождавшей одноклассника, и поняла: бесполезно. Она опоздала.

Прошло еще пять лет. Денис стал звездой мирового уровня.

Маша не добилась ничего. Когда ей исполнилось сорок, она вернулась в Россию. Встреча с родителями радости не принесла. Отца выпустили, но поломали его конкретно. Теперь они с матерью упоенно квасили вместе. Находиться с ними в одной квартире было невозможно, и Маша уехала на юг. На небольшие свои накопления она собиралась купить однушку где-нибудь в отдалении от туристических 11

троп, сидеть на балконе, смотреть на море, слушать музыку и вспоминать Дениса.

Маша планировала осесть в Сочи, но город ей не понравился: ни стиля, ни харизмы, а понтов больше, чем в Калифорнии. И если из окна хоть сантиметр моря виден — цена сразу запредельная. Может быть, тогда в горы, на Розу Хутор? Но и тут по карману ей оказались разве что халупы с удобствами во дворе.

«Хороший у меня итог жизни, — совсем запечалилась Маша. — Ни мужа, ни детей. И заработала — только на барак».

Риелторы советовали умерить аппетит и отправляться куда попроще — в Лазаревское, в Лоо. Но Маша в море уже разочаровалась. Пляжный отдых ей теперь казался голливудским фильмом — ярким, примитивным и простеньким. А в гармонии снежных вершин чувствовался лоск авторского кино. Так и виделась сцена: прямо у подножия Каменного столба белый рояль, и тонкие пальцы Дениса танцуют по клавишам.

Маша продолжала бродить по Розе Хутор. От державных особняков вдоль реки

Мзымты забиралась все дальше и дальше от центра. И почти на границе с лесом наткнулась на небольшой деревянный коттедж «а ля избушка» — желтенький, ладненький, светлый. То, что она и хотела: глушь, тишина, совсем рядом строгая красота гор. И на заборе как раз табличка «продается».

Может, позвонить — вдруг денег хватит? Или хозяин согласится в рассрочку продать? Она достала телефон — но набрать номер не успела.

Боковым зрением увидела: со стороны леса, бесшумно, но зловеще к ней подбегает огромный пес. Породу Маша знала — самоед, вроде должен быть дружелюбным. Но глаза у этого дикие, злющие, шерсть вместо белой — грязно-серая, свалявшаяся. Пес остановился метрах в трех, прижал уши и зарычал.

«Сейчас кинется!» — в страхе подумала Маша.

Будь она прежней, восемнадцатилеткой, маменькиной дочкой — заревела бы от страха. Но что толку рыдать, если теперь защитить ее все равно некому? По-

этому, хотя внутренне замирала от ужаса, она сделала шаг вперед и сердито, по базарному крикнула псу:

— Чего выступаешь? Я тебя трогаю? На твою территорию захожу?!

Не сводя глаз со свирепой морды собаки, Маша присела на корточки и подобрала камень. Самоед ощерился, зарычал еще утробнее.

Она замахнулась, но камень бросать не стала, сквозь зубы произнесла:

— Я тебя не боюсь.

И вдруг увидела: из темно-карего собачьего глаза в уличную пыль скатилась слеза.

— Испугался? — презрительно усмехнулась Маша.

Хлопнула калитка. Из коттеджа наискосок к ней бежал дед, размахивая клюкой, на ходу выкрикивая:

— Джек! Сейчас прибью! А ну, назад! Пшел, пшел!

Пес увидел палку, грозно рыкнул на прощание и скрылся в лесу. А дед напустился на Машу:

14 — Ты чего здесь ходишь одна?

Ее, после пережитого, начало колотить. Она жалко улыбнулась в ответ:

— Да я гуляла просто.

— Гулять в парке водопадов надо! Или на Роза Пике! — продолжал разоряться дедок. — А тут бы Джек в клочки тебя порвал! Спасибо, я увидел!

— Да я его... вроде укротила почти, — похвасталась Маша.

— Укротила! Повезло тебе просто, что я вовремя вышел. Джек — нехороший пес, совсем одичал. В лесу живет, на людей нападает. Меня только боится — получал уже. Ну и помнит, что я с хозяином его общался.

— А кто у него был хозяин?

— Да вот здесь жил, — дедок махнул на избушку, — плохой человек, гнилой. Захотелось ему перемен — и сюда из Москвы явился. Дом построил, горами потешился, собаку пригрел. Потом надоело — и дальше по свету скакать. Жилье на продажу выставил, а пса бросил.

— Сам уехал, а собаку не взял?

— Сказал, на новом месте новую заведет.